Преемственность проблем криминализации преступлений суицидальной направленности в российском уголовном праве

Архипова Алина Ивановна,
магистр, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), alarkhipova02@gmail.com

В статье прослеживается историческое развитие уголовно-правовых норм об ответственности за деяния суицидальной направленности — от религиозного осуждения самоубийства как греха и его переосмысления в петровском законодательстве в качестве государственного преступления до формирования современной системы составов. Анализируется становление дихотомии «доведение–склонение» начиная с Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., показаны колебания законодателя в выборе приемов описания объективной стороны, определении формы вины и круга потерпевших. Особое внимание уделено проблеме квалификации воздействия на лиц, не способных к осознанному волеизъявлению, которая в доктрине и судебной практике устойчиво связывается с конструкцией опосредованного убийства. Обосновывается, что современные коллизии статей 110–110.2 УК РФ являются не техническим дефектом, а закономерным результатом наслоения различных исторических концепций, отражающим многолетние поиски баланса между защитой жизни и признанием автономии воли потерпевшего.
Ключевые слова: российское уголовное законодательство, преступления суицидальной направленности, доведение до самоубийства, склонение к самоубийству, содействие самоубийству, организация побуждения к самоубийству.

Преступления суицидальной направленности в российском уголовном праве на различных этапах его развития охватывали неоднородный круг деяний, правовая природа которых неоднократно переосмысливалась в зависимости от господствующих мировоззренческих, религиозных, идеологических и научных представлений. К таким деяниям в разные исторические периоды относились не только известные современному уголовному праву составы, но и само самоубийство. Обращение к историческому развитию уголовно-правовых норм об ответственности за деяния суицидальной направленности объясняется потребностью в понимании внутренней логики становления современного законодательства, так как всякое правовое установление, вне зависимости от сферы его действия, не может быть адекватно осмыслено вне исторического контекста. Для правильного уяснения любого юридического института, как справедливо отмечал Н. С. Таганцев, необходимо «проследить историческую судьбу его, то есть те поводы, в силу которых появилось данное учреждение, и те видоизменения, которым подверглось оно в своем историческом развитии… Задачей положительной должно быть не только догматическое выяснение и изложение начал действующего права, но и критическая их оценка на основании опыта других народов и отечественной истории права»[76].

Обращение к истокам становления отечественного уголовно-правового регулирования в рассматриваемой сфере неизбежно приводит к анализу периода, когда самоубийство еще не стало объектом светского уголовного преследования. До начала XVIII века регулирование случаев самоубийства носило преимущественно религиозный характер, и, независимо от конкретных обстоятельств, социальная и правовая оценка основывалась на представлении о самоубийстве как о грехе. В практике применения норм это проявлялось особенно отчетливо, так как санкция приобретала характер публичного осуждения и устрашения и выражалась в отказе в церковном погребении, посмертном порицании и иных мерах религиозного характера, призванных подтвердить приоритет сакрального порядка. Принципиальный перелом связан с реформами Петра I, когда юрисдикция в сфере уголовных деяний, включая самоубийство, окончательно перешла от церкви к государству. В Воинском артикуле 1715 г. самоубийство и его попытка рассматривались как преступления против государственной дисциплины и порядка. Анализируя данный акт, Н. С. Таганцев подчеркивал, что Петр I, заимствуя положения из европейских источников, переосмыслил самоубийство не как религиозный грех, а как форму дезертирства и уклонения от государственной службы, стремясь предотвратить потерю «живой силы» в армии и обеспечить дисциплину, то есть исходя из интересов государственного строительства[77]. Значение петровских реформ в рассматриваемой области определяется двумя обстоятельствами, каждое из которых заслуживает самостоятельного упоминания. Во-первых, произошла институционализация уголовно-правового подхода. Самоубийство стало объектом светского уголовного преследования, что создало предпосылку для последующего конструирования соучастия и уточнения его форм.

[76] Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. Санкт-Петербург, 1874. Кн. 1 : Учение о преступлении. Вып. 1. С. 21.

[77] Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву : исследование, 2-е изд., испр. Санкт-Петербург : Тип. И. Мордуховского, 1873. С. 409.

Во-вторых, закрепилась логика, при которой лицо, лишившее себя жизни, трактовалось как правонарушитель, а не как потерпевший. Именно в рамках данной модели законодатель 1845 г. получил возможность рассматривать склонение и содействие самоубийству как разновидность соучастия в преступлении.

Принятие Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. ознаменовало новый этап развития уголовно-правовой мысли. Впервые вводится ответственность за склонение к самоубийству и содействие его совершению (ст. 1946). В объяснениях к проекту отмечалось, что подобные действия «отчасти подходят» под общее определение пособничества. По этому поводу Н. А. Неклюдов утверждал, что «пособник в самоубийстве виновнее самого покушающегося на сие преступление: он, без всякого сомнения, есть участник в смертоубийстве, хотя убийца и жертва соединены в одном лице и даже участник в убийстве предумышленном…»[78]. Одновременно появляется статья 1947, содержащая конструкцию, напоминающую современное доведение до самоубийства, совершаемое специальным субъектом. Уголовной ответственности подлежали «родители, опекуны и другие, облеченные какой-либо властью лица, которые чрез явное, соединенное с жестокостью злоупотребление власти, побудят подчиненное им или вверенное их попечению лицо к самоубийству». Позиция Сената исходила из того, что деяние совершается с неосторожной формой вины, поскольку умышленное побуждение другого лица образует более тяжкое преступление – склонение, которое приравнивалось к пособничеству в убийстве[79]. Необходимость появления состава доведения объясняется тем, что в судебной практике возникли ситуации, когда прямого подговора к самоубийству не было, однако жестокое обращение приводило потерпевшего к состоянию отчаяния. Например, примечательно в этом отношении дело Дорошенко, обвиненного в жестоком обращении с крепостным Ковтуном, которого раздели и привязали к столу на морозе, где последующее самоубийство стало следствием этой жестокости[80]. Именно в этот период складывается исторический прообраз современной дихотомии, при которой склонение понимается как прямое воздействие на волю посредством подговора или убеждения, а доведение – как создание состояния отчаяния через жестокое обращение. Тем не менее, четкого разграничительного критерия законодатель не закрепил, тем самым оставив пространство для дискуссий. Несмотря на предпринятую Сенатом попытку разграничить деяния по форме вины, по существу это не решило проблему, потому что оставило открытым вопрос об их юридической природе.

Уголовное уложение 1903 года, так и не вступившее в силу в полном объеме, обозначило принципиальный поворот, согласно которому самоубийство и покушение на него исключались из числа преступлений. Тем самым устранялась логическая основа для понимания склонения как подстрекательства к «чужому преступлению», а право фактически признавало автономию личности в решении вопроса о собственной жизни, выводя его за пределы уголовной репрессии. Ответственность сохранялась лишь за подговор, предоставление средств и устранение препятствий к самоубийству при условии, что эти действия повлекли самоубийство либо его попытку. Существенным нововведением стало установление повышенной ответственности в случаях, когда потерпевший не достиг 21 года либо заведомо для виновного не мог понимать значение своих действий или руководить ими. Тем самым законодатель прямо признал, что при отсутствии полноценной способности к осознанному волеизъявлению воля потерпевшего не может служить самостоятельным основанием для освобождения воздействующего лица от более строгой оценки, поскольку она лишена необходимой автономии. Одновременно Уложение 1903 г. отказалось от самостоятельного состава «доведения до самоубийства», сузив конструкцию до случаев прямого содействия, что отражало стремление к большей определенности, однако оставляло вне прямого регулирования ситуации систематического жестокого давления, не выраженного в явном подговоре, и тем самым порождало новые вопросы правоприменения.

Советская уголовная политика исходила из неприменимости уголовного преследования за лишение себя жизни, закрепив линию, намеченную Уложением 1903 г., то есть окончательно исключила самоубийства из числа уголовно наказуемых деяний при одновременной криминализации посягательств на жизнь другого лица путем воздействия на его волю. Именно в советский период формируется современная конструкция «доведения до самоубийства» как самостоятельного состава преступления, причем ее эволюция была непоследовательной и сопровождалась изменением законодательных приоритетов. Так, нормативное оформление дихотомии «доведение–склонение» складывалось постепенно и проходило через ряд этапов. В УК РСФСР 1922 г. (ст. 148) ответственность устанавливалась лишь за содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего либо лица, не способного понимать значение своих действий. Общего состава доведения до самоубийства еще не существовало. Воздействие на взрослого вменяемого субъекта оценивалось судами в каждом конкретном случае, что формировало неоднородную практику. Лишь в УК РСФСР 1926 г. (ст. 141) появляется материальный состав доведения до самоубийства лица, находящегося в материальной или иной зависимости от другого лица, жестоким обращением или иным путем. Формула «или иным подобным путем» предоставляла судам широкое усмотрение. При этом склонение и содействие самоубийству взрослого вменяемого лица по-прежнему прямо не криминализировались. Следовательно, расширяя ответственность за создание невыносимых условий, законодатель одновременно не предусматривал самостоятельных норм о склонении и содействии в случаях, когда потерпевший являлся дееспособным. В УК РСФСР 1960 г. (ст. 107) доведение сохраняется, однако законодатель конкретизирует диспозицию посредством закрытого перечня способов, а именно «путем жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства», ограничив усмотрение суда. Содействие и подговор к самоубийству и вовсе декриминализированы. Подобное решение, по-видимому, было обусловлено стремлением избежать конкуренции и сложностей доказывания, но тем самым образовался пробел, восполнявшийся судебной практикой.

Историческая эволюция, таким образом, демонстрирует имманентность проблемы разграничения доведения и склонения для отечественного права, укорененность ее в самой логике развития законодательства. Законодатель последовательно менял подходы: от охраны исключительно беспомощных лиц к появлению состава доведения

[78] Неклюдов Н. А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. Т. 1 : Преступления и проступки против личности. Санкт-Петербург, 1876. С. 255.

[79] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / изд. Н. С. Таганцевым. 5-е изд., доп. Санкт-Петербург : Тип. М. Стасюлевича, 1886. С. 517.

[80] Morrissey S. K. Suicide and the Body Politic in Imperial Russia. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. P. 136–137.

с максимально широкой объективной стороной, а затем к сужению способов доведения при отсутствии самостоятельной нормы о склонении. Подобное лишь подтверждает цикличность поисков оптимальной модели регулирования.

Вопросы субъективной стороны в период действия УК РСФСР 1926 г. сформировали подходы, во многом предвосхитившие современные споры. Анализ ч. 1 ст. 141 данного Кодекса показывает, что законодатель не конкретизировал форму вины, оставляя решение этого вопроса на усмотрение доктрины и практики, тем самым сознательно перенося центр тяжести на интерпретацию. В специальной литературе преобладало мнение о возможности совершения преступления как умышленно, при косвенном умысле, так и по неосторожности, отражающее стремление охватить различные психические отношения к последствию. Особое значение приобрел подход к проблеме прямого умысла. Уже в советской доктрине было высказано и аргументировано положение, согласно которому действия виновного с прямым умыслом и желанием наступления смерти потерпевшего в результате самоубийства не образуют доведения, а подлежат квалификации как убийство[81].

Наиболее последовательной представляется историческая линия в вопросе уголовно-правовой оценки воздействия на лиц, не способных к осознанному волеизъявлению. Именно эта проблема является одной из ключевых для определения пределов применения суицидальных составов. В УК РСФСР 1922 г. (ст. 148) прямо закреплялось, что подговор и содействие самоубийству несовершеннолетнего либо лица, неспособного понимать значение своих действий, образуют специальный состав преступления. В связи с этим, исходя из сущности деяния, высказывалось предложение квалифицировать эти действия как убийство[82]. УК РСФСР 1926 г., напротив, унифицировал ответственность за доведение, сохранив специальный состав лишь для содействия и подговора, что породило внутреннее противоречие и обусловило дальнейшие доктринальные поиски, направленные на устранение несогласованности.

Особенно показателен период действия УК РСФСР 1960 г., выявивший практические последствия избранной модели. Декриминализовав общие составы содействия и подговора, Кодекс фактически оставил без специальной защиты несовершеннолетних и невменяемых, что усилило значение судебной интерпретации. В ответ судебная практика обратилась к подходу 1920-х годов, квалифицируя такие деяния как убийство, пытаясь восполнить законодательный вакуум. Утвердилось принципиальное положение, согласно которому деяние, внешне сходное со склонением или содействием, но совершенное в отношении лица, заведомо не способного к формированию автономной суицидальной воли, по своей правовой природе представляет собой опосредованное причинение смерти. «Тот, кто вкладывает револьвер в руку психически больного, чтобы он покончил с собой, тот, кто подговаривает ребенка застрелиться, тот фактически убивает»[83]. Квалификация подобных действий по «суицидальным» статьям неизбежно приобретает характер юридической фикции, подменяющей сущность формой.

Таким образом, уже в XX веке из совокупности суицидальных составов оформились по меньшей мере четыре устойчивые проблемы, сохраняющие актуальность и в последующем развитии законодательства. Прежде всего, отсутствовало четкое разграничение между созданием невыносимых условий, приводящих к самоубийству или к его попытке, и убеждающим воздействием на волю потерпевшего. Неопределенность в выборе законодательной техники описания диспозиции демонстрировала колебания законодателя между казуистичностью и абстрактностью, при том что идеального решения найдено не было. Сохранялась и неопределенность формы вины при доведении до самоубийства, выявленная еще в спорах вокруг применения ст. 1947 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Наконец, особая оценка посягательства на лиц, неспособных к осознанному волеизъявлению, закрепленная в Уложении 1903 г., стала историческим основанием современной дискуссии о квалификации подобных деяний как убийства, придав проблеме межвременное измерение. Тем самым современное правовое регулирование преступлений суицидальной направленности предстает как результат наслоения различных исторических подходов. В нем нашли отражение позднеимперское понимание особой защиты беспомощных, советская дискуссия о прямом умысле и его отграничении от убийства, а также многолетние эксперименты с законодательной техникой. В таком ракурсе исторический материал утрачивает характер самостоятельного очерка и приобретает доказательное значение. Он позволяет увидеть, что современные коллизии статей 110-110^2 УК РФ имеют глубокие корни и не сводятся к случайным просчетам. Речь идет не о дефекте техники как таковом, а о результате длительной эволюции подходов к защите свободы воли человека, выраженной в последовательной смене концептуальных акцентов.

Принятие Уголовного кодекса РФ в 1996 г. ознаменовало, по существу, новый этап в развитии исследуемого института. Конструкцию доведения до самоубийства из УК РСФСР 1960 г. законодатель воспринял и, сохранив ее основу, объективную сторону состава существенно скорректировал. К способам совершения преступления были дополнительно отнесены угрозы, что, как представляется, расширило сферу действия нормы и позволило учитывать формы психического насилия. Одновременно был окончательно исключен признак материальной или иной зависимости потерпевшего от виновного, ранее выступавший конструктивным элементом состава. Тем самым был осуществлен отказ от ограничительного толкования круга потенциальных потерпевших, так как доведение до самоубийства признано возможным и вне отношений власти-подчинения.

В 2017 году, на фоне обеспокоенности появлением новых форм преступных деяний, не укладывающихся в конструкцию доведения, были проведены, как представляется, запоздалые изменения статьи 110 УК РФ. В научной литературе неоднократно высказывались предложения о дополнении статьи второй частью[84], поскольку в первоначальной редакции она не позволяла дифференцировать ответственность и не учитывала реального разнообразия деяний, существенно повышающих степень их общественной опасности.

С принятием Федерального закона от 07.06.2017 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Рос-

[81] Пионтковский А. А. Преступления против личности. Москва : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938. С. 35–37.
[82] Там же. С. 37.
[83] Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. / под ред. Н. А. Беляева, М. Д. Шаргородского. Л., 1962. С. 221–222.
[84] См., например: Бородин С. В. Преступления против жизни : монография. М. : Юристъ, 1999. С. 306; Уколова Ю. А. Проблемы квалификации доведения до самоубийства как преступного деяния : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2008. С. 8–9 ; Волконская Е. К. Предупреждение доведения до самоубийства: уголовно-правовой и криминологический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2011. С. 20–21.

сийской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» глава 16 «Преступления против жизни и здоровья» УК РФ была также дополнена статьями 110[1] УК РФ, устанавливающей ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие его совершению, и 110[2] УК РФ, предусматривающей ответственность за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства. В пояснительной записке к проекту закона сообщалось «о появлении новых форм преступных действий, оказывающих влияние на сознание ребенка и мотивацию его поведения, которые не охватываются действующими составами Уголовного кодекса Российской Федерации. Новые виды склонения к совершению самоубийства или содействия совершению самоубийства не прогнозировались ранее наукой, не были своевременно оценены криминологами и по факту приняли широкий масштаб, оказавшись вне уголовно-правовой оценки, а, значит, и вне мероприятий правоохранительных органов по выявлению организаторов такой деструктивной деятельности, своевременному пресечению их действий, а также защите потерпевших».

Основным катализатором изменений закона стала широкая общественная дискуссия, развернувшаяся в российских и международных СМИ, на тему онлайн-сообществ в социальных сетях, где подростков побуждали к самоубийству посредством «игр». Утверждалось, что организаторы и «кураторы» этих сообществ предлагали подросткам специальные задания, в том числе нанести себе порез и направить фотографию «куратору». Согласно публикации, выполнение подобных заданий в итоге должно было подтолкнуть несовершеннолетних к самоубийству[85]. В то же время, тезис о резком ухудшении ситуации с суицидами среди подростков нередко ставится под сомнение[86].

Статья 110[1] стала формой специальной уголовно-правовой реакции на инспирирование суицида, ранее квалифицировавшееся по иным составам, в том числе как доведение до самоубийства либо пособничество убийству[87]. По распространенному в науке убедительному мнению, нововведения явились «криминализационным поводом»[88] для устранения пробела, при котором воздействие на решение о самоубийстве и помощь в его реализации фактически оставались вне специального состава, несмотря на их очевидную общественную опасность. Ранее в советском праве подговор или содействие при отсутствии реального самоубийства либо покушения не признавались обладающими достаточной общественной опасностью для самостоятельной уголовной ответственности. Теперь же криминализировано само воздействие на психику человека с целью побудить его к самоубийству, даже если оно не привело к желаемому результату.

Самостоятельная уголовная ответственность установлена за организацию деятельности, сопряженной с побуждением к совершению самоубийства посредством распространения информации о способах его совершения, а также призывов к совершению самоубийства, что закреплено статьей 110[2] УК РФ. В законопроекте разъяснялось, что речь идет об ответственности администраторов «групп смерти» и организаторов неформальных объединений, деятельность которых сопряжена с побуждением к совершению самоубийства.

Из вышесказанного следует, что эволюция законодательства в данной сфере обнаруживает устойчивую структуру концептуальных дилемм, которая воспроизводится практически на каждом новом этапе правотворчества и правоприменения. Советские колебания законодательной техники, неполнота криминализации и, главное, невозможность в рамках единой нормы охватить как создание условий, ведущих к самоубийству, так и непосредственное воздействие на волю потерпевшего, свидетельствовали о кризисе самой модели регулирования. С принятием Уголовного кодекса РФ 1996 г. и последующими реформами, включая фундаментальные изменения 2017 года, накопившиеся противоречия не были устранены. Их истоки укоренены в логике развития отечественного законодательства, которое на протяжении столетий не выработало непротиворечивого подхода к дифференциации форм противоправного воздействия. В этих условиях встает вопрос не столько о точечной коррекции отдельных норм, сколько о концептуальном переосмыслении ее исходных оснований, требующего дальнейших обсуждений.

Литература

1. Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. Кн. 1 : Учение о преступлении. Вып. 1. – СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1874. – 284 с.
2. Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву : исследование. – 2-е изд., испр. – СПб. : Тип. И. Мордуховского, 1873. – 324 с.
3. Неклюдов Н. А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. Т. 1 : Преступления и проступки против личности. – СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1876. – 543 с.
4. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / изд. Н. С. Таганцевым. – 5-е изд., доп. – СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1886. – 714 с.
5. Пионтковский А. А. Преступления против личности. – М. : Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1938. – 136 с.
6. Morrissey S. K. Suicide and the Body Politic in Imperial Russia. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – 400 p.
7. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. / под ред. Н. А. Беляева, М. Д. Шаргородского. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. — 459 с.
8. Бородин С. В. Преступления против жизни : монография. – М. : Юристъ, 1999. – 356 с.
9. Уколова Ю. А. Проблемы квалификации доведения до самоубийства как преступного деяния : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. – М., 2008. – 30 с.
10. Волконская Е. К. Предупреждение доведения до самоубийства: уголовно-правовой и криминологический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. – Рязань, 2011. – 24 с.
11. Кобзева Е. В. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм о преступлениях, стимулирующих суицидальное поведение других лиц // Правовая политика и правовая жизнь. – 2017. – № 4. – С. 66-72.

[85] Скандал вокруг «групп смерти» в социальных сетях. Досье // ТАСС : сайт. 19 июля 2017. URL: https://tass.ru/info/4424429 (дата обращения: 17.06.2026).

[86] См., например: Кобзева Е. В. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм о преступлениях, стимулирующих суицидальное поведение других лиц // Правовая политика и правовая жизнь. 2017. № 4. С. 69.

[87] Администратор «группы смерти» Филипп Лис получил три года колонии // ТАСС : сайт. 18 июля 2017. URL: https://tass.ru/proisshestviya/4423161 (дата обращения: 17.06.2026).

[88] Филиппова С. В. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2020. С. 17.

12. Скандал вокруг «групп смерти» в социальных сетях. Досье // ТАСС : [сайт]. – 19 июля 2017. – URL: https://tass.ru/info/4424429 (дата обращения: 17.06.2026).

13. Администратор «группы смерти» Филипп Лис получил три года колонии // ТАСС : [сайт]. – 18 июля 2017. – URL: https://tass.ru/proisshestviya/4423161 (дата обращения: 17.06.2026).

14. Филиппова С. В. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. – М., 2020. – 234 с.

Continuity of Issues in the Criminalization of Suicidal Crimes in Russian Criminal Law

Arkhipova A.I.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

This article traces the historical development of criminal law norms on liability for suicidal acts—from the religious condemnation of suicide as a sin and its reinterpretation in Peter the Great's legislation as a state crime to the formation of the modern system of offences. It analyzes the development of the "incitement-inducement" dichotomy beginning with the 1845 Code of Criminal and Correctional Punishments, demonstrating legislators' hesitations in choosing methods for describing the objective element, defining the form of guilt, and identifying victims. Particular attention is given to the classification of influence on individuals incapable of conscious will, which is consistently linked in doctrine and judicial practice to the concept of indirect homicide. It is argued that the current conflicts between Articles 110–110.2 of the Russian Criminal Code are not a technical defect, but a natural result of the overlap of various historical concepts, reflecting a long-standing search for a balance between protecting life and recognizing the victim's autonomy.

Keywords: Russian criminal law, suicidal crimes, incitement to suicide, incitement to suicide, facilitation of suicide, organization of incitement to suicide.

References

1. Tagantsev N. S. The course of Russian criminal law. The General Part. Book 1 : The Doctrine of crime. Issue 1. St. Petersburg : M. Stasyulevich Printing House, 1874. 284 p.
2. Tagantsev N. S. On crimes against life under Russian law : a study. – 2nd ed., ispr. – St. Petersburg : I. Mordukhovsky Printing House, 1873. – 324 p.
3. Neklyudov N. A. Guide to the Special part of Russian criminal law. Vol. 1 : Crimes and offenses against the individual. St. Petersburg : M. Stasyulevich Printing House, 1876, 543 p.
4. The Code of Criminal and correctional punishments of 1885 / ed. by N. S. Tagantsev. – 5th ed., supplement. – St. Petersburg : M. Stasyulevich's type, 1886. – 714 p.
5. Piontkovsky A. A. Crimes against personality. – Moscow : Law Publishing House of the NKYU USSR, 1938. – 136 p.
6. Morrissey S. K. Suicide and the Body Politic in Imperial Russia. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 400 p.
7. Commentary on the Criminal Code of the RSFSR 1960 / edited by N. A. Belyaev, M. D. Shargorodsky. — L. : Publishing House of the Leningrad University, 1962. — 459 p.
8. Borodin S. V. Crimes against life : a monograph. Moscow : Yurist, 1999. 356 p.
9. Ukolova Yu. A. Problems of qualifying suicide as a criminal act : abstract of the dissertation of the cand. jurid. Sciences : 12.00.08. – M., 2008. – 30 p.
10. Volkonskaya E. K. Prevention of suicide: criminal law and criminological aspects : abstract of the dissertation of the candidate. jurid. Sciences : 12.00.08. – Ryazan, 2011. – 24 p.
11. Kobzeva E. V. Social conditionality of criminal law norms on crimes that stimulate suicidal behavior of others // Legal policy and legal life. – 2017. – No. 4. – pp. 66-72.
12. The scandal around the "death groups" in social networks. Dossier // TASS : [website]. – July 19, 2017. – URL: https://tass.ru/info/4424429 (date of appeal: 06/17/2026).
13. The administrator of the "death group" Philip Lis received three years in prison // TASS : [website]. – July 18, 2017. – URL: https://tass.ru/proisshestviya/4423161 (date of request: 06/17/2026).
14. Filippova S. V. Inducement to commit suicide or assistance in committing suicide: criminal law characteristics and problems of qualification : dissertation of the cand. jurid. Sciences : 12.00.08. – M., 2020. – 234 p.